

РОСІЙСЬКА ЛІТЕРАТУРА

УДК 821.161.1-3

Комаров С. А.

Горловский институт иностранных языков

ГБУЗ «Донбасский государственный педагогический университет»

ЖАНР ФЕЛЬЕТОНА В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. ГЕРЦЕНА И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ

В статье рассматриваются идейно-художественное содержание и особенности формы фельетонов А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского. На примере текстов, написанных в 1840–1860-е годы, показывается функционирование следующих признаков фельетонного жанра: опора на факт, злободневность проблематики, тематическая разноплановость, художественно-публицистическая обработка материала, комический компонент, свободная структура и ассоциативность. Также обращается внимание на наличие интертекста. Фельетоны А. И. Герцена, разоблачающие политику монархизма, раскрыли возможность использования формы фельетона как пародии на другие жанры. Ф. М. Достоевский в фельетонных циклах «Петербургская летопись» и «Петербургские сновидения в стихах и прозе», касаясь незначительных вопросов столичной жизни, помещает их в серьёзный социально-культурный или морально-философский контекст.

Ключевые слова: фельетон, публицистичность, пародия, ирония, сатира, социальная и морально-этическая проблематика, философичность.

Постановка проблемы. Жанр фельетона, отличающийся актуальностью, реагирующий на злобу дня как правило в формах комического (сатира, юмор, ирония, гротеск, сарказм), был необычайно популярен в русской словесности XX века. Соединяющий черты публицистической и художественной литературы, фельетон выступал своеобразной площадкой для развития таланта многих авторов, ставших впоследствии классиками. Определённую веху в идейно-тематической и формальной эволюции жанра ознаменовали произведения А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского. Обращение к изучению их текстов обусловлено необходимостью выработки более целостного представления об истории фельетонного жанра, представляющего значительное явление не только журналистики, но и литературы, а также задачей уточнения роли художественности, публицистичности и комического в его структуре.

Анализ последних исследований и публикаций. В последние два десятилетия учёные неоднократно обращались к анализу фельетонистики классиков русской литературы

XIX века (Н. А. Некрасова, А. В. Дружинина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Андреева, поэтов «Искры»), рассматривая её как манифестацию журналистской деятельности писателей, а также – подчеркивая историко-литературную ценность этой части их наследия. В частности, в диссертации Г. А. Шпилевой фельетонистика Н. А. Некрасова исследуется в контексте жанровой и стилистической динамики его прозы [8]. А. М. Гомон указывает на то, что фельетоны в газете «Курьер» были для Л. Н. Андреева его «творческой лабораторией» и, характеризуясь «философским наполнением» и «серьёзно-смеховым отношением автора к изображаемому», стали «основой для новаций его художественной прозы» [3, с. 5]. В связи с рассматриваемой проблемой интерес представляет работа Е. К. Ревы, в которой выявлены жанровые свойства фельетонов Ф. М. Достоевского, описаны способы интеграции этого жанра в художественную прозу автора [7]. Фельетонистика А. И. Герцена до сих пор не становилась объектом целенаправленного и системного изучения.

Постановка задачи. Целью предлагаемой статьи является исследование идейно-художественного содержания и особенностей формы фельетонов А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского. Во время анализа герценовских образцов жанра «Москвитянин» о Копернике», «Путевые заметки г. Ведрина», «Москвитянин» и вселенная», «Августейшие путешественники» и фельетонных циклов Ф. М. Достоевского «Петербургская летопись» и «Петербургские сновидения в стихах и прозе» предполагается выделить характеристики поэтики, ставшие типичными в фельетонистике 1840–1860-х годов.

Изложение основного материала. Перу А. И. Герцена принадлежат фельетоны, публиковавшиеся в 40-е годы в журнале «Отечественные записки», а в 60-е – в «Колоколе». Талант Герцена-фельетониста в полной мере проявился в первой половине 1840-х годов, в период полемики «Отечественных записок» с «Москвитянином», редакция которого выступала за три «исконных начала», сохранившихся в России: православие, самодержавие и народность.

Фельетоны А. И. Герцена «Москвитянин» о Копернике» (1843), «Путевые заметки г. Ведрина» (1843), «Москвитянин» и вселенная» (1845) демонстрируют новые черты жанра. В частности, автор структурирует тексты как пародии на другие жанры. Так, «Москвитянин» о Копернике» (охарактеризован самим автором как «журнальная шутка» [2, с. 47]) написан в виде рецензии на одну из статей этого журнала, а «Путевые заметки г. Ведрина» – как пародия на «дорожный дневник» редактора журнала М. П. Погодина «Год в чужих краях». В указанных фельетонах Герцен издевается над курьёзными промахами отдела наук «Москвитянина», иронизировал по поводу «детских милых и наивных» воззрений этого издания на Европу. К примеру, «Москвитянин» о Копернике» пронизан едкой иронией по поводу невежества автора статьи «Николай Коперник (Голос за правду)» С. П. Победоносцева, объявившего Коперника последователем Галилея и Ньютона (на самом деле они жили много позже польского учёного): «Неужели Коперник не мог идти по следам и духовно сочетаться с гениями, которые жили после него, даже обогнать их только оттого, что умер прежде их? Это материализм! ... Это западный софизм» [2, с. 48]. А. И. Герцен объясняет эти и другие проявления путаницы «волнением» сотрудника «Москвитянина», которое не позволило «оставаться в пределах логики, хронологии и даже приличия» [2, с. 49]. Псевдонауч-

ной выглядит и попытка толкования славянского происхождения фамилии знаменитого астронома. «Филолого-мистическое изыскание есть только пьедестал, с которого «Голос» начинает свой выговор Германии вообще» [2, с. 49], – комментирует фельетонист тенденциозность близкого к славянофильству журнала. Неприятие редакцией М. П. Погодина всего западного, претензии возродить «гибнущее» человечество с помощью православия, самодержавия и народности вызывают у А. И. Герцена вполне доказательную критику. Эти фельетоны упоминает В. Г. Белинский в одном из писем А. И. Герцену 1846 года и указывает, что высоко ценит его «фельетонный талант» [1, с. 575].

Фельетоны А. И. Герцена в «Колоколе» разоблачают политику монархизма. Образы представителей царской фамилии, воссозданные в фельетонном цикле «Августейшие путешественники» (1857–1867), раскрывают, с одной стороны, социально-политические проблемы российского общества, антинародную сущность самодержавия, с другой – наглядно демонстрируют авторскую позицию в этих вопросах.

В этом цикле изображаются путешествия представителей царской семьи по Европе. Фельетон «Вдовствующая императрица» (1857) рисует сатирический портрет вдовы Николая I Александры Фёдоровны. Автор фиксирует пребывание своей героини в разных странах и городах, попутно иронически либо прямолинейно характеризуя то или иное государство: например, Австрия – «гнездилище рабства и абсолютизма», Швейцария – «страна без царя, это страна, в которой самые горы напоминают la montagne de 93 («Гора» – партия депутатов Конвента 1793 года – С. К.) и время геологического террора. Страна, в которой государственные преступники вроде Телля, этого Пестеля с большей удачей, считаются великими людьми» [2, с. 158]. В фельетоне множество отступлений от сюжета путешествия, то и дело писатель рассуждает о политике Германии, Австрии, Италии и России, делает экскурсы в прошлое этих стран, вспоминает исторические анекдоты.

Собственно, и в образе императрицы Герцен акцентирует политическую составляющую (хотя не избегает личностных характеристик). Так, Александра Фёдоровна, «воспитанная в благочестивых правилах евангелически-потсдамского абсолютизма и расцветшая в догматах православно-петербургского самовластия» [2, с. 159], не может примириться с либерализмом в деятельности своего царственного сына; в отмене кре-

постного права и реформах, проводимых новыми министрами она видит путь к революции («Призрак ... во фригийской шапке» [2, с. 161]), потому в страхе и уезжает в Европу. С едким сарказмом фельетонист замечает, что огромные траты, которые она позволяет себе в путешествии («истинно азиатское бросанье денег, истинно варварская роскошь»), могут вызвать у её подданных только чувство гордости, ведь «каждый переезд августейшей больной и каждый отдых её равняются для России неурожаю, разливу рек и двум-трьм пожарам» [2, с. 163]. Подобные бытовые детали в фельетонах А. И. Герцена становятся способом выражения основного – социально-политического – содержания.

Ироническая интонация в фельетоне порой даже в рамках одного высказывания сменяется прямым выражением авторской позиции. Так, Герцен комментирует встречу императрицы с либеральными деятелями итальянского освободительного движения из Ломбардии, захваченной Австрией, в ходе которой она пожелала скорейшего обретения родины: «Такова обаятельная сила русского самодержавия, что я думаю, эти господа сделают со мной чудо... – примирят меня с Австрией, которую я ненавижу как человек, как славянин, как друг Италии» [2, с. 162]. Подобная политональность повышает эмоциональное воздействие текста на читателя.

Для фельетонов А. И. Герцена характерны публицистическая острота, сатирическая направленность, иронический тон, ясно выраженная образная основа, что говорит о формировании в его творчестве собственного художественного типа фельетона. Наиболее типичными для герценовской фельетонистики художественными средствами выступают каламбуры (например, «После этой выходки «Голос» слабеет; перелом совершился, он становится нежен, добродушен, близок к милому лепету детей» [2, с. 48]) и афоризмы иронической направленности, построенные на наблюдениях житейского характера («Порядочный человек может читать только у себя в комнате, где все предметы ему надоели; оттого добродетельные отцы семейств читают вслух многолетним подругам жизни и малолетним детям своим» [2, с. 52], «За делом теперь никто не ездит, министрами и перепиской, графами и телеграфами можно покончить не только всякое дело, но всякое безделье» [2, с. 158] и другое). Проблематика и пафос вышперечисленных текстов позволяют утверждать факт зарождения социально-политической разновидности фельетонного жанра. Без-

условно, А. И. Герцен уделяет большое внимание изображению именно политики, подчас довольно прямолинейно выражает свои взгляды на тот или иной насущный для российского общества вопрос.

Ф. М. Достоевский в своём творчестве дважды обращался к жанру фельетона: в самом начале писательского пути – в 1847 году (цикл «Петербургская летопись», состоящий из четырёх фельетонов) и будучи уже известным автором – в 1861 году (фельетон «Петербургские сновидения в стихах и прозе»). Ф. М. Достоевский по-своему воспринимал фельетонный жанр, видя в нем большие преимущества и возможности – прежде всего, в прямом, непосредственном выражении писательской позиции: «Ужели фельетон есть только перечень животрепещущих городских новостей... Кажется бы на всё можно взглянуть своим собственным взглядом, скрепить своею собственной мыслью, сказать своё слово, новое слово» [5, с. 487].

В своеобразной фельетонной серии «Петербургская летопись» (газета «Санкт-Петербургские ведомости») автор отходит от популярного тогда фельетона-хроники, превращается «в свободного созерцателя городских нравов, городского пейзажа, и попутно своих собственных настроений» (В. Л. Комарович) [6, с. 90]. В то же время, подобная структура была свойственна фельетонам представителей «натуральной школы». Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, В. А. Соллогуб, И. И. Панаев также перемежали повествование о событиях социальной и культурной жизни столицы элементами физиологий, изображением «типов».

Повествователь цикла назван «фланером-мечтателем» (один из важных типов в творчестве писателя, особенно раннем). Бродя по городу, он становится участником или свидетелем событий текущей городской жизни, а затем сообщает о своих впечатлениях в фельетоне. Уже в последнем фельетоне «Петербургской летописи» Ф. М. Достоевский, разделяя функции автора и рассказчика, даёт серьёзную и далеко не лицепрятную характеристику мечтателю: «Это кошмар петербургский, это олицетворённый грех, это трагедия, безмолвная, таинственная, угрюмая, дикая, со всеми неистовыми ужасами, со всеми катастрофами, перипетиями, завязками и развязками... Мечтатель всегда тяжёл, потому что неровен до крайности: то слишком весел, то слишком угрюм, то грубиян, то внимателен и нежен, то эгоист, то способен к благороднейшим чувствам» [4, с. 30]. Предлагая психологический портрет мечтателя, автор связывает этот образ с вопросом

общественной значимости человека, акцентирует его сложные отношения с действительностью. Стремясь к её отображению, мечтатель в конце концов устаёт от реальности, производящей на него «впечатление тяжёлое, враждебное» [4, с. 31], начинает её чуждаться, уходит в мир фантазии, «талант действительной жизни» [4, с. 31] в нём притупляется, и он «упускает моменты действительного счастья, и в апатии лениво складывает руки и не хочет знать, что жизнь человеческая есть непрерывное самосозерцание в природе» [4, с. 32]. В финале предлагается обобщение: в каждом из нас есть черты мечтателя.

Фельетоны «Петербургской летописи» представляют свободные размышления (построенные в форме беседы с «господами читателями») на различные темы, связанные с жизнью в столице: социальное расслоение, петербургский обыватель, русский человек и отношение к нему за границей, культурная жизнь Петербурга, состояние литературы и оценка новых произведений. Все они имели актуальное значение для российского общества конца 1840-х годов. Даже касаясь несущественных, «мелких» вопросов петербургской жизни, Ф. М. Достоевский помещает их в серьёзный социально-культурный или морально-философский контекст: например, мысль о том, что сплетня в обществе выводит фельетониста на тему человеческой личности: «Двуличие, изнанка, маска – скверное дело, но если б в настоящий момент все бы явились, как они есть на лицо, то, ей-богу, было бы хуже» [4, с. 25].

Начала всех четырёх фельетонов цикла переключаются: в первых двух рассказчик сетует на отсутствие новостей в Петербурге, иронически замечает, как ценится в обществе человек, сообщающий что-то новое, и насколько «вкусна» сплетня; в оставшихся изображается «пустота» города из-за дачного сезона. Собственно фактическая основа «Петербургской летописи» проявляется в передаче мнений и впечатлений современников (для Ф. М. Достоевского это своеобразный документ эпохи; Е. К. Рева замечает, что писатель посредством несобственно-прямой речи стремится к достоверности и «невывышенности» описываемых картин. Он «сумел преобразовать чужую точку зрения, сохраняя при этом монологический контекст» [7, с. 10]), в упоминании реальных случаев, произошедших со знакомыми рассказчика, в сообщениях о новинках культурной жизни (театра, музыки, литературы) – как правило, очень кратких (в третьем фельетоне, к примеру, повествователь, спохватившись, что

пишет фельетон, в самом конце просто перечисляет последние литературные новости), лишь иногда развёрнутых (в частности, отзыв о повести П. Н. Кудрявцева «Сбоев» в первом фельетоне).

Примечателен в фельетонном цикле образ Петербурга, во многих фрагментах обладающий символической нагрузкой. Автор персонифицирует город, наделяя его человеческими свойствами. Например, в описании мрачного апрельского утра: «Петербург встал злой и сердитый, как раздражённая светская дева, пожелтевшая со злости на вчерашний бал. Он был сердит с ног до головы. Дурно ль он выспался, разлилась ли в нём в ночь желчь в несоразмерном количестве, простудился ль он и захватил себе насморк, проигрался ль он с вечера как мальчишка в картишки до того, что пришлось на утро вставать с совершенно пустыми карманами... – трудно сказать; но только он сердился так, что грустно было смотреть на его сырые, огромные стены, на его мраморы, барельефы, статуи, колонны» [4, с. 18]. Или подобное авторское отступление: «...я всегда воображал себе Петербург ... младшим, балованым сыном почтённого папеньки, человека старинного времени, богатого, тороваго, рассудительного и весьма добродушного. Папенька наконец отказался от дел, поселился в деревне и рад-рад, что может в своей глуши носить свой нанковый сюртук без нарушения приличия. Но сынок отдан в люди, сынок должен учиться всем наукам, сынок должен быть молодым европейцем» [4, с. 20].

Здесь Ф. М. Достоевский в метафорическом плане затрагивает проблему соотношения северной столицы и всей России. В заключительном абзаце «Петербургской летописи» юмористическая интонация сменяется серьёзной: «Дачная жизнь, полная внешних впечатлений, природа, движение, солнце, зелень и женщины, которые летом так хороши и добры, – всё это чрезвычайно полезно для больного, странного и угрюмого Петербурга, в котором так скоро гибнет молодость, так скоро вянут надежды, так скоро портится здоровье и так скоро перерабатывается весь человек» [4, с. 33]. В целом мистифицированный образ Петербурга, представленный в этом раннем тексте Достоевского, наполняется социальным звучанием.

Ф. М. Достоевский в «Петербургской летописи» не чуждается и философичности. Так, давая обобщённый портрет столичного обывателя, рассказчик утверждает, что петербуржцы в водовороте повседневности или в попытках от неё отгородиться, забывают, что «жизнь – целое

искусство, что жить значит сделать художественное произведение из самого себя; что только при обобщённых интересах, в сочувствии к массе общества и к её прямым непосредственным требованиям, а не в дремоте, не в равнодушии, от которого распадается масса, не в уединении может ошлифоваться в драгоценный, в неподдельный блестящий алмаз его клад, его капитал, его доброе сердце!» [4, с. 22]. Подобные умозаключения, носящие абстрактный, не применимый сугубо к данной социально-культурной ситуации, характер, в фельетоне встречаются не один раз.

Фельетон «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (опубликован в журнале «Время») открывают иронические рассуждения о «должности фельетониста», который назван «строчилой». Ф. М. Достоевский задаётся вопросом: является ли фельетон «только перечнем животрепещущих городских новостей» [5, с. 484] и высмеивает представления многих газетчиков, уверенных, что написать фельетон проще простого: «Он без плана, ... это не повесть, пиши, о чём хочешь, тут посмейся, там отзовись с известного рода уважением, тут про Ристори, там про добродетель и нравственность, а там про безнравственность, про взятки, например, уж непременно про взятки, и готов фельетон. Ведь мысли теперь продаются совершенно готовые, на лотках, как калачи. Составился бы только печатный лист, да и дело с концом!» [5, с. 485]. Автор настаивает на важности самого жанра («фельетон в наш век – это... почти главное дело» [5, с. 485]), потребности в «оригинальности» высказываемых в фельетоне мыслей, ведь «без жара, без смысла, без идеи, без охоты – всё будет рутинной и повторением» [5, с. 486].

Далее Ф. М. Достоевский заявляет, что сам он «мистик и фантазер» и потому ищет необычное в серой, обыденной действительности. Личность мечтателя, как и в «Петербургской летописи», выдвинута в фельетоне на первый план. Автор переосмысливает романтическую традицию, что проявляется уже в названии: мотив сна, мечты осложнён вниманием к повседневности, социальным контрастам в жизни столицы – чувствуется связь с литературой физиологий 1840-х годов. Петербург воспринимается повествователем как сон, стоящий на грани реальности и фантастики: «Казалось, ... что весь этот мир со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищих или раззолоченными палатами в этот сумеречный час походит на фантастическую, волшебную грезу, на сон» [5, с. 487]. Фельетон насыщен послед-

ними к моменту написания новостями (например, пересказывается недавняя заметка в «Санкт-Петербургских ведомостях» об умершем титулярном советнике, в квартире которого было обнаружено около 170 тысяч рублей), автобиографическими деталями (упоминается об увлечении молодого Достоевского творчеством Ф. Шиллера и Э. Т. А. Гофмана), картинами «униженной бедности» (возникает образ голодного мальчика, просящего на кусок хлеба). Заметим, что герои или явления, изображаемые в фельетоне, даются не развёрнуто, а словно «одним штрихом», но этот «штрих» всегда несёт необходимую публицистическую и художественную нагрузку.

Встречи рассказчика с разными людьми подталкивают его к размышлениям социального, философского, психологического порядка. Например, эпизод с мальчиком вызывает в нём следующие вопросы: «...подумаешь, сколько грустного цинизма, сколько тяжёлых впечатлений вынесет этот мальчик из своего детства. И не отразится ли этот цинизм в его нравственном развитии? А если отразится, то чем? отвращением ли к этому цинизму или одним из тех примирений, которые губят душу навеки?» [5, с. 491]. Тон фельетона, так же как и в «Петербургской летописи», варьируется от юмора к серьёзности, от иронии к прямолинейности, так же свободна и композиция – невозможно предугадать, к чему в следующем абзаце обратится мысль автора.

В последней части фельетона Ф. М. Достоевского в текст вводятся стихотворные фрагменты (их автор – Д. Д. Минаев), высмеивающие произведения Нового Поэта, – так подчёркивается стереотипность фельетонистики рубежа 1850–1860-х годов. Искусно вплетённые в ткань повествования, они наполняют эту часть фельетона литературными новостями, включают произведение Достоевского в атмосферу журнальной полемики начала 1860-х годов. Финал фельетона, закольцовывая композицию, возвращает к мотиву сна: повествователь обещает в следующий раз рассказать «сон о грациозной бедности» [5, с. 501].

«Петербургские сновидения» насыщены историческими и литературными параллелями, ссылками на многих авторов и их произведения. Так, Ф. М. Достоевский иронизирует по поводу того, что бы сказал Ф. В. Булгарин о мрачности его размышлений. Образы Гарпагона, Скупого рыцаря, Акакия Акакиевича и Плюшкина всплывают в сознании рассказчика в контексте случая с титулярным советником. Ноздрев и поручик Живновский (персонаж «Губернских очерков» М. Е. Сал-

тыкова-Щедрина) упомянуты в связи с полемикой о нищенстве: рассказчик встречается на улицах Петербурга людей, просящих милостыню, они-то и кажутся ему похожими на этих персонажах.

В фельетонах Ф. М. Достоевского гармонично соединяются художественное и публицистическое начала. По словам Е. К. Рева, автор обогащает художественные образы «публицистическими эмоциями» [7, с. 8]. Описания конкретных фактов и личностей чередуются в его фельетонах с «вольными импровизациями по текущим вопросам общественно-политической жизни» [7, с. 9], с воспоминаниями, впечатлениями, рассказами «по случаю», – так проявляется «незаданность» авторского «я». Такая свободная ассоциативная композиция стала широко использоваться в фельетонистике второй половины XIX – начала XX века, а затем была творчески воспринята писателями 1920-х годов. Писатель насыщает фельетонные тексты философичностью. Выполняя задачу оперативного реагирования на те или иные события, фельетоны Ф. М. Достоевского в то же время развивают ведущие темы, мотивы и образы, которые проходят через всё творчество художника.

Выводы и предложения. В 1840–1860-е годы, на которые приходится деятельность А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского в качестве фельето-

нистов, этот жанр становится одним из наиболее влиятельных в сатирико-юмористической журналистике. Именно в этот период формируется своего рода «канон», включающий признаки фельетонного жанра, ставшие постоянными: опора на факт, злободневность проблематики, тематическая разноплановость, художественно-публицистическая обработка материала, комический компонент, свободная структура и ассоциативность, наличие интертекста. Указанные свойства нашли отражение в фельетонистике обоих авторов, чьи тексты стали объектом изучения в статье.

Фельетоны А. И. Герцена, разоблачающие политику монархизма, раскрыли возможность использования формы фельетона как пародии на другие жанры. Ф. М. Достоевский в фельетонных циклах «Петербургская летопись» и «Петербургские сновидения в стихах и прозе», касаясь незначительных вопросов столичной жизни, помещает их в серьёзный социально-культурный или морально-философский контекст. Среди перспектив разработки проблемы следует назвать обращение к анализу фельетонных текстов И. А. Гончарова и И. С. Тургенева. Изучение особенностей фельетонной формы у этих авторов позволит создать более полную картину об основных тенденциях развития жанра в литературе середины XIX века.

Список литературы:

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений : в 9 т. Москва : Художественная литература, 1982. Т. 9 : Письма 1829–1848 годов. 400 с.
2. Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1954. Т. 2 : Статьи и фельетоны 1841–1846. Дневник 1842–1845. 515 с.
3. Гомон А. М. «Сміховий світ» прози Леоніда Андрєєва : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.02 «Російська література». Харків, 2004. 19 с.
4. Достоевский Ф. М. Петербургская летопись. *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т.* Ленинград : Наука, 1988. Т. 2. С. 5–33.
5. Достоевский Ф. М. Петербургские сновидения. *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т.* Ленинград : Наука, 1988. Т. 3. С. 482–502.
6. Комарович В. Л. Петербургские фельетоны Достоевского. *Фельетоны сороковых годов.* Москва ; Ленинград : Academia, 1930. С. 89–127.
7. Рева Е. К. Жанр фельетона в творчестве Ф. М. Достоевского : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01 «Русская литература». Пенза, 2009. 167 с.
8. Шпилевая Г. А. Динамика прозы Н. А. Некрасова: художественный метод и стиль, жанр и межродовые отношения : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : 10.01.01. «Русская литература». Воронеж, 2007. 36 с.

**ЖАНР ФЕЙЛЕТОНУ У ТВОРЧОСТІ О. І. ГЕРЦЕНА
ТА Ф. М. ДОСТОЄВСЬКОГО: ОСОБЛИВОСТІ ПОЕТИКИ**

У статті розглядаються ідейно-художній зміст і особливості форми фейлетонів О. І. Герцена та Ф. М. Достоевського. На прикладі текстів, написаних у 1840–1860-ті роки, демонструється функціонування наступних ознак фейлетонного жанру: опора на факт, злободенність проблематики, тематична різноплановість, художньо-публіцистична обробка матеріалу, комічна складова, вільна структура й асоціативність. Також звертається увага на наявність інтертексту.

Фейлетони О. І. Герцена, які викривають політику монархізму, показують можливість використання форми фейлетону як пародії на інші жанри. Ф. М. Достоевський у фейлетонних циклах «Петербурзький літопис» і «Петербурзькі сновидіння у віршах і прозі», торкаючись дрібних питань столичного життя, поміщає їх у серйозний соціально-культурний або морально-філософський контекст.

Ключові слова: *фейлетон, публіцистичність, пародія, іронія, сатира, соціальна і морально-етична проблематика, філософічність.*

**THE FEUILLETON GENRE IN A. I. HERZEN'S
AND F. M. DOSTOYEVSKY'S WRITING: THE PECULIARITIES OF POETICS**

The article is dedicated to the investigation of the ideological and artistic content, the peculiarities of the form of A. I. Herzen's and F. M. Dostoyevsky's feuilletons. The functioning of features of the feuilleton genre (reliance on fact, issues of current interest, thematic diversity, fictional and publicistic processing of the material, comic component, free structure and associativity) is shown in the texts written in 1840–1860-th.

Also, attention is drawn to the presence of intertext. A. I. Herzen's feuilletons, exposing the policy of monarchism, revealed the possibility of using the form of feuilleton as a parody of other genres. F. M. Dostoyevsky in the feuilleton cycles "The Petersburg Chronicle" and "Petersburg Dreams in Verses and Prose", touching on insignificant issues of life in the capital, puts them in a serious socio-cultural or moral-philosophical context.

Key words: *feuilleton, publicisticity, parody, irony, satire, social and moral problems, philosophy.*